

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 16–23.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 2 (87):16–23.

Научная статья
УДК 94(470.318).083.4
DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.002

Региональная поддержка военнослужащих, пострадавших в Русско-японскую кампанию 1904–1905 годов на примере Калужской губернии

Марк Олегович Тарасов

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Калуга, Россия
mrsobolev90@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается практическое применение существовавших мер поддержки участников Русско-японского конфликта 1904–1905 годов в региональном аспекте. Отмечается важность предпринятых мер, направленных на послевоенную реабилитацию лиц, пострадавших в ходе военного конфликта. На примере Калужской губернии проанализировано положение вернувшихся защитников Отечества, а также реальное применение механизмов социальной защиты, дополнявших собой существовавшую пенсионную систему и возникших как следствие Русско-японской кампании.

В работе рассматривается деятельность губернского и уездных присутствий по воинской повинности в делах назначения пособий лицам, пострадавшим в ходе Русско-японской войны, оценивается размер производимых выплат и порядок рассмотрения ходатайств. Особое внимание автор уделяет работе Калужского губернского комитета по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим в войну с Японией, как особого механизма послевоенной реабилитации пострадавших защитников Отечества.

В ходе исследования автором было отмечено фактическое проявление внимания со стороны властей к проблеме послевоенной адаптации участников Русско-японской войны на региональном примере.

Ключевые слова: Калужская губерния, Русско-японская война, присутствия по воинской повинности, послевоенная адаптация, пенсионная система.

Для цитирования: Тарасов М. О. Региональная поддержка военнослужащих, пострадавших в Русско-японскую кампанию 1904–1905 годов на примере Калужской губернии // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 16–23. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.002.

Original article

Regional support for servicemen — victims of Russo-Japanese campaign of 1904–1905 (materials from Kaluga Governorate)

Mark Olegovich Tarasov

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia
mrsobolev90@rambler.ru

Abstract. The article deals with practices of support for participants of the Russo-Japanese conflict of 1904–1905 in one region of Russia. It deals with the importance of the measures aimed at post-war rehabilitation of persons who suffered during the military conflict. Using the example of the Kaluga Governorate, we analyze the situation of the veterans who defended the Fatherland, as well as the implementation of social protection mechanisms that supplemented the existing system of pensions, developing as a consequence of the Russo-Japanese campaign.

The paper examines the activities of provincial and district military offices in the assignment of benefits to persons who had suffered during the Russo-Japanese War, assesses the amount of payments made and the procedure for considering petitions. The author pays special attention to the work of the Kaluga committee for

finding positions for military men who had sustained injuries in the war with Japan, as a special mechanism of post-war rehabilitation of the defenders of the Fatherland.

In the course of the archival research the author noted actual manifestation of the authorities' attention to the problem of post-war adaptation of the participants of the Russo-Japanese War in the region.

Keywords: Kaluga Governorate, Russo-Japanese war, military conscription, post-war adaptation, pension system.

For citation: Tarasov M. O. Regional support for servicemen — victims of Russo-Japanese campaign of 1904–1905 (materials from Kaluga Governorate). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 2 (87):16–23. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.002.

Русско-японская война оказала сильнейшее влияние на социальную сферу Российской империи. С фронта вернулось огромное количество участников конфликта, нуждавшихся в поддержке и послевоенном обустройстве собственного быта. Для реализации данной программы в дополнение к сложившейся на тот момент пенсионной системе активную работу проводили различные комитеты, основная деятельность которых заключалась в частичной компенсации ущерба лицам, пострадавшим от войн. Деятельность Александровского комитета о раненых, Главного комитета по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим в войне с Японией, Алексеевского комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, Порт-Артурского и Санкт-Петербургского комитетов помощи нижним чинам Маньчжурских армий была направлена на сглаживание несовершенств существовавшей на тот момент пенсионной системы, являясь своего рода вспомогательным механизмом общественного призрения.

В настоящее время можно отметить растущий интерес к вопросам социального обеспечения и обустройства военнослужащих. К сожалению, работ, затрагивающих эту тему в ее историческом аспекте, совсем немного. Еще меньше работ, посвященных исследованию вопроса использования механизмов социальной поддержки военнослужащих Российской империи в невоенный период XX века, когда меры социальной поддержки, применяемые в империи, достигли своего исторического апогея, поскольку дальнейшее развитие данных механизмов было прервано Первой мировой войной и уничтожено революцией.

Безусловно, положение воинов — участников Русско-японской войны и способы оказания им помощи косвенно освещались в контексте других работ, но стоит отметить, что в аспекте исследуемой темы детально рассмотрены не были. Из имеющихся работ, где хоть и косвенно, но рассматривается данная тематика с нужным нам акцентом, можно привести работу исследователя В. А. Яременко «Социальная защищенность военных чинов: от Ивана III до Николая II» [Яременко, 2005, с. 59]. Кроме того, стоит учитывать, что мероприятия, направленные на помощь участникам Русско-японской войны, в территориальном аспекте не ограничивались одной только столицей и крупными губерниями, а распространялись и на провинции, где эффективность оказания помощи пострадавшим зависела еще и от действий местной администрации. В частности, некоторая забота о чинах, пострадавших в ходе Русско-японской войны, была и в Калужской губернии. Однако здесь эта тема изучалась мало, и проводимые исследования апробировались преимущественно в рамках местных конференций.

Отметим труды одного из местных исследователей, специализирующегося на изучении истории Русско-японского конфликта, кандидата исторических наук А. В. Ковалёва. Ряд его работ затрагивает вопрос оказания помощи в послевоенном устройстве солдат. Среди интересующих нас можно выделить статью «Порт-Артурский комитет и Калужская губерния (1905–1906 гг.)» [Ковалев, 2012, с. 188]. Однако основной акцент делался на исследовании конкретных случаев в рамках применения одного механизма помощи нуждавшимся, без перехода в комплексное исследование всех существовавших механизмов социальной поддержки пострадавших от Русско-японской войны в Калужской губернии. Таким образом, в нашем исследовании впервые предпринята попытка комплексного рассмотрения вопроса о существовавших и действовавших на территории Калужской губернии механизмов социального призрения вернувшихся воинов и членов их семей. В научный оборот впервые вводятся сведения, полученные в результате работы с фондами Государственного архива Калужской области (ГАКО). Среди таких источников можно выделить документы фонда Ф-403 «Калужское уездное по воинской повинности присут-

стве» о назначении пособий ветеранам Русско-японской войны. Не менее значимым в данном исследовании является фонд Ф-1283 «Калужский губернский комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим в войну с Японией». Данный комитет ведал вопросами послевоенного трудоустройства и адаптации возвратившихся с фронта солдат. Кроме того, сведения о мерах поддержки военнослужащих, об уровне цен, установившихся к тому времени, хранятся в фонде Ф-32 «Канцелярия калужского губернатора». На основании исследования документов из вышеуказанных фондов в статье анализируется положение вернувшихся с фронта военнослужащих и членов их семей.

Исходя из изложенного, в Калужской губернии защитники Отечества, вернувшиеся к мирной жизни, могли рассчитывать на помощь, в том числе со стороны местных администраций. Раненые и отставные воины могли ходатайствовать о полагающихся им пособиях, назначаемых уездными по воинской повинности присутствиями. Порядок назначения соответствующих выплат определялся в Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при правительствующем Сенате [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. В статье 930 публиковался перечень должностных лиц, ответственных за прием ходатайств о назначении пособия; нуждавшимся предлагалось «обращаться к уездному воинскому либо земскому начальнику, или заменяющему его должностному лицу местных по крестьянским делам установлений, либо уездной полиции, по месту жительства нижнего чина...» [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об. 5]. После регистрации обращения принявший ходатайство должен был собрать сведения об имущественном и семейном положении обратившегося. Это свидетельствовало о сокращении бюрократического аспекта в делах ходатайств нижних чинов. Министерство внутренних дел официально требовало максимального упрощения оговоренной процедуры [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 11]. Разумеется, что для подтверждения необходимости назначения положенных выплат (при отсутствии очевидных признаков) полагалось медицинское освидетельствование в присутствии должностного лица, осуществившего прием заявки. В некоторых случаях медицинское освидетельствование проводилось и в самом по воинской повинности присутствии [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 5].

Пособия назначались как на срок до прохождения повторного медицинского освидетельствования, так и бессрочно. По истечении установленного срока выплат нуждающийся имел право на повторное освидетельствование для продления выплат пособия. Еще одним показательным фактом внимания со стороны администрации к проблеме оказания помощи нуждающимся был тот факт, что для прохождения нижним чином медицинского переосвидетельствования должностное лицо, занимавшееся данным вопросом, имело полное право обратиться в лечебное заведение, находящееся поблизости от места жительства обратившегося, равно как и обратиться к врачу на службе (военной или гражданской) или вольнопрактикующему, при этом частный врач не имел права отказать. Примечательно, что при ведении делопроизводства чиновникам настоятельно рекомендовалось проявлять «самое сердечное — чуждое излишнему формализму» отношение к делу определения участи нуждающихся в заботе солдат [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12].

В случаях, когда подавший ходатайство солдат не был согласен с тем или иным решением местного уездного присутствия по воинской повинности, он имел право обжаловать данное решение. Жалоба направлялась в губернское или областное по воинской повинности присутствие в течение месяца со дня объявления решения [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.]. Данное положение уточнялось циркулярно для всех присутствий. Там же дополнительно разъяснялся порядок оценки имущественного положения. Распоряжения о назначении пособий нижним чинам должны были отдаваться в продолжение трехдневного срока; на решение по ходатайствам присутствиям по воинской повинности отводилось не более месяца [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.]. Осуществление контроля за правомерностью назначения выплат присутствиями по воинской повинности поручалось казенным палатам. Для реализации данной задачи им предоставлялось право участия непосредственно в процессе назначения пособий. Присутствия по воинской повинности обязывались предоставлять копии постановлений о назначении пособий в казенную палату. Последняя могла запрашивать дополнительные сведения по тому или иному делу [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 20]. Разумеется, существовала и ответственность должностных лиц за неправомерное назначение пособий нижним чинам. Ответственность за нарушения и неправомерно назначенные пособия касалась не только чинов по воинской повинности присутствий, но и служащих казенных палат, что усиливало круговую поруку [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–20 об.].

Не обходилось без ошибок. Из обращения калужской казенной палаты в калужское губернское по воинской повинности присутствие от 8 ноября 1907 года становится известно, что последним несправедливо назначались пособия в 3 рубля лицам, не имевшим на то оснований, в частности, проходившим настоящую службу с жалованием от 10 до 31 рубля в месяц. Происходило это от того, что в казенную палату уездным по воинской повинности присутствием не предоставлялось в полной мере сведений, необходимых для корректного решения о назначении пособий. Более того, подобные сведения служащие казенной палаты были вынуждены добывать самостоятельно [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 30–30 об.]. Между тем для правомерного назначения выплат требовалось установить многое: причину неспособности к самообеспечению, время, причину заболевания, наличие ближайших родственников, способных взять опеку над нуждающимся, факт отсутствия занятий, приносящих доход, а при их наличии оценить, достаточно ли зарабатываемых средств для того, чтобы прожить без пособия [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об.].

Несовершенство существовавшей системы сбора информации было очевидно еще в 1905 году. Свидетельством тому можно считать случай возникновения вопроса о допустимости ходатайств о назначении пособий временно-отпускным чинам. За разъяснением данного обстоятельства губернским по воинской повинности присутствием в сентябре 1905 года были даны особые пояснения, указывавшие на отсутствие оснований для выплаты пособий временно-отпускным чинам [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–15 об.].

Для справедливого назначения пособий требовались доказательства того, что выплаты эти действительно необходимы. Встречаются прямые указания на необходимость установления имущественного положения ходатайствующего. В качестве примера можно привести инструкции, разосланные циркулярно в уездные присутствия 29 марта 1906 года. В них подробно отмечался порядок сбора сведений об имущественном положении ходатайствующего, указывалось на обязательность процедуры заверения полученной информации [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 22]. Тем не менее в независимости от бюрократических сложностей можно отметить тенденцию к демократизации процедуры назначения пособий. Самим управлением по делам о воинской повинности отмечалось, что решения о назначении пособий не должны откладываться в связи с длительным ожиданием подтверждения «удостоверений волостных старшин» [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 22 об.]. Постепенно правила по назначению пособий совершенствовались. Министерство внутренних дел обращало внимание на неравнозначность отставных нижних чинов, имеющих право на получение пенсий из инвалидного капитала, а также имеющих статус запасных, фактически лишенных данных пособий. Совершенствовалась доказательная база в вопросах освидетельствования нижних чинов запаса, считающих себя непригодными к службе [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–25 об.], кроме указания болезни и подтверждения нетрудоспособности свидетелем, требовалось заключение о связи болезни с условиями военного времени [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 27]. Подобного рода инструктаж можно обнаружить и в более поздних предписаниях «Алексеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией», например, в адресованном калужскому губернатору в июне 1908 года, где вновь поднимался вопрос о правомерности назначаемых выплат [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–34 об.]. В тексте было четкое указание на то, чтобы отклонять ходатайства без доказанного факта связи нетрудоспособности лица с периодом военного времени. В то же время постепенно расширялись категории лиц, имевших право на получение соответствующих выплат [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 32–32 об.].

В целом же, несмотря на ужесточение контроля над правомерностью назначения выплат, условия, по которым назначались пособия, совершенствовались, охватывая новые категории пострадавших. При этом подразумевалось, что контроль за назначением выплат не должен был доставлять неудобства ходатайствующим.

Размеры выплат могли составлять от 3 до 6 рублей [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 18]. Основным показателем, влиявшим на сумму выплат, была способность или неспособность нижнего чина к уходу за собой. Если особого ухода не требовалось, размер пособия составлял 3 рубля, равные выплаты полагались и солдаткам. В случае, когда ходатайствующий нуждался в постоянном уходе, он мог рассчитывать на сумму 6 рублей в месяц [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об. 36].

Разумеется, в сравнении с жалованием солдат, находившихся на службе (от 10 до 31 рубля), размер пособия оставлял желать лучшего, однако сам факт выплат свидетельствовал о некотором внимании к данной проблеме со стороны государства [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 30].

Кроме того, стоит отметить, что стандартный размер выплат участникам Русско-японской войны составлял порядка 36 рублей в год, что в целом сопоставимо со средним годовым доходом крестьян. Безусловно, это нельзя назвать эталоном социального призрения, однако следует заметить, что пострадавшие воины не были брошены в полном безденежье [Ковалев, 2010, с. 303].

В качестве доказательства реальности работы данного механизма уместно будет привести немного статистических сведений по Калужской губернии. В фондах ГАКО есть сведения о назначении выплат за 1906 год — всего 23 протокола за первый полный послевоенный год [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 4. Л. 13]. Из 331 ходатайства было удовлетворено 144. Разумеется, большинство протоколов однотипны, тем не менее именно в них отражены реальные размеры выплат, отличные от условных 3 и 6 рублей в месяц. В частности, в одном из протоколов заседания калужского уездного по воинской повинности присутствия, состоявшегося в марте 1906 года, когда из 40 ходатайств было удовлетворено 30, встречается положение о назначении выплаты в размере 5 рублей в связи с необходимостью ухода и присмотра за обратившимся [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 4. Л. 25–29]. Иногда размер пособия не указывался, а пометки гласили: «Нуждается в пособии в течение одного года» или «К личному труду неспособен и нуждается в постороннем уходе, назначить пособие навсегда», что подразумевало назначение максимальной суммы выплат в 6 рублей ежемесячно. Кроме того, в одном из случаев отказа была сделана следующая запись: «По имущественному и служебному положению отказать» [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 4. Л. 56–57]. В конце года в протоколах заседания Калужского уездного по воинской повинности присутствия встречались ходатайства о продлении и увеличении размера выплат, в удовлетворении которых было отказано [ГАКО. Ф. 403. Оп. 1. Д. 4. Л. 80–82].

Все вышеизложенное подтверждает факт реального рассмотрения аналогичных дел, поступающих в присутствия по воинской повинности Калужской губернии, и свидетельствует об отсутствии грубого формализма, подтверждая, что каждое дело действительно рассматривалось в индивидуальном порядке.

Другим важным направлением помощи участникам Русско-японской войны, вернувшимся на калужскую землю, являлась помощь в делах послевоенного обустройства. К сожалению, случалось так, что, вернувшись домой вчерашние солдаты обнаруживали, что их рабочие места были заняты, или же сами защитники, перенеся тяготы и лишения службы, не были способны продолжить прежние занятия. Становился актуальным вопрос безработицы среди данной категории населения. Для оказания поддержки был создан Комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим в войну с Японией. Деятельность этого комитета распространялась на регионы, где в качестве опорных пунктов открывались региональные отделения.

Калужский губернский комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим в войну с Японией, представлял собой своеобразную узко ориентированную биржу труда, делавшую главный акцент на определенной категории населения, старавшийся учесть чаяния и возможности своих подопечных. Порядок обращения к помощи комитета был схож с порядком ходатайств о назначении пособий. В частности, при подаче в Калужский губернский комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим в войну с Японией, прошения о трудоустройстве необходимым было подтвердить бедственное состояние ходатайствующего. Кроме того, требовалось указать: грамотен или нет, семейное положение, чем зарабатывал до призыва... Интересно, что кандидат мог самостоятельно указать желаемую вакансию [ГАКО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. После поступления прошения по подбору вакансии внутри комитета начиналась проверка кандидата на соответствие подходящей категории нуждавшихся. Требовалось установить следующее: имеет ли ходатайствующий в настоящее время средства к жизни, род его занятий до призыва на службу, состояние здоровья, трудоустроен ли в настоящее время (размер жалования), соответствие требованиям желаемой вакансии. Одним из самых примечательных пунктов, заполняемых сотрудниками комитета, можно считать пункт «Заслуживает ли по своему семейному и имущественному положению предпочтительного перед другими представлением места» [ГАКО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–4 об.]. Это также может свидетельствовать о тщательном отборе кандидатов и индивидуальном рассмотрении каждого отдельного дела.

Подробные дела об определении на службу лиц, пострадавших в войну с Японией, сохранились в ГАКО, в частности в фонде Ф-1283 «Калужский губернский комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим в войну с Японией». Изучение данных дел позволяет

выявить несовершенства работы данного комитета, связанные с некоторой бюрократизацией процесса, однако в то же время исследуемые материалы доказывают и практическую значимость работы данного механизма. К нижним чинам, заявившим о желании воспользоваться помощью в вопросах трудоустройства, относились разные категории населения: значились крестьяне, мещане, а в одном из рассмотренных дел в роли ходатайствовавшего выступал казак, являвшийся уроженцем Полтавской губернии [ГАКО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–1 об.].

Отметим, что не всегда ходатайствовавшим доставались желаемые места. Вакансии могли не предоставляться по разным причинам: банальное отсутствие рабочих мест (с зачислением просившего в очередь на желаемое место, при снятии с непосредственного учета комитета), физическое здоровье, альтернативный заработок. В целом процедура сбора информации о ходатайствующих и процесс дальнейшего подбора вакантного места отнюдь не был быстрым. Все это порой могло занимать значительное время, при этом ходатайствующие за этот период вполне могли самостоятельно найти себе работу. Вместе с тем нельзя не отметить значимость описываемого механизма поддержки, указывающего на заинтересованность администрации в решении вопроса мирного устройства вернувшихся с фронта защитников Отечества.

Таким образом, после окончания Русско-японской войны можно констатировать факт проявления внимания со стороны властей к проблеме послевоенной адаптации участников данной войны. К сожалению, не предоставлялось возможным оказать помощь сразу всем нуждающимся, но не оспоримым является сам факт развития системы по оказанию помощи пострадавшим от Русско-японской войны. В Калужской губернии, как и в других, для решения данной проблемы создавались различные отделения центральных комитетов и местные комитеты помощи, выдавались соответствующие пособия. Размер их мог варьироваться по различным причинам, среди которых можно отметить уровень цен на «жизненные потребности», физическое состояние самого ходатайствующего, наличие или отсутствие у него заработка. При сравнении размера пособий с доходами местного сельского населения и установившимся уровнем цен [ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1226. Л. 274] можно отметить его крайнюю скромность, однако пособие, безусловно, давало определенную поддержку нуждавшимся.

Список источников

1. Ведомость о справочных ценах на жизненные припасы в городе Калуге за декабрь 1905 г. // Государственный архив Калужской области (ГАКО). — Ф. 32. — Оп. 2. — Д. 1226. — Л. 274.
2. Ковалев А. В. Краеведческий ракурс истории русско-японской войны 1904–1905 гг. и его роль в патриотическом воспитании учащихся // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Государственного архива Калужской области / сост. Л. А. Бацанова, Т. В. Егорова, О. М. Петрова, Л. И. Сапожникова, И. Б. Сундеева. — Калуга : Ноосфера, 2010. — С. 295–310.
3. Ковалев А. В. Порт-Артурский комитет и Калужская губерния (1905–1906 гг.) // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья : материалы XIV Всерос. науч. конф. — Калуга : Полиграф-Информ, 2012. — С. 188–192.
4. Обращение калужской казенной палаты в калужское губернское по воинской повинности присутствие // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 30 об. 31.
5. Отношение Алексеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией № 9993 // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 34–34 об.
6. Отношение калужского губернского по воинской повинности присутствия № 1860 от 17 сентября 1905 г. // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 15–15 об.
7. Отношение М. Ф. Калужской казенной палаты Отделение 1 стол 2 №13722 В Калужское Губернское по воинской повинности присутствие // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 18, 18 об., 36.
8. Отношение М. Ф. Калужской казенной палаты Отделение 1 стол 2 № 28322 В Калужское Губернское по воинской повинности присутствие // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 30.
9. Протокол заседания калужского уездного по воинской повинности присутствия. 15 марта 1906 года // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 25–29.
10. Протокол заседания калужского уездного по воинской повинности присутствия. 13 июля 1906 года // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 56–57.
11. Протокол заседания калужского уездного по воинской повинности присутствия. 15 декабря 1906 года // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 80–82.
12. Протоколы по рассмотрению ходатайств о назначении пособий от казны по 36 статье устава о воинской повинности // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 13.

13. Сведения необходимые для разрешения в Калужском Губернском комитете по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией // ГАКО. — Ф. 1283. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 4–4 об.
14. Сведения о кандидате // ГАКО. — Ф. 1283. — Оп. 1. — Д. 50. — Л. 1–1 об.
15. Сведения о кандидате // ГАКО. — Ф. 1283. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1, 4 об. — 5 об.
17. Циркуляр «Департамент государственного казначейства к казенным палатам» № 45 // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 20–20 об.
18. Циркуляр «МВД Калужского губернатора по Губернскому Комитету по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией» от 7 июня 1907 г. № 626 // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 27.
19. Циркуляр «МВД Калужского губернатора По Губернскому по воинской повинности Присутствию» за № 2445 от 27 ноября 1907 г. // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 32–32 об.
20. Циркуляр «МВД Управления по делам о воинской повинности. По 1 Делопроизводству» № 12 // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 25–25 об.
21. Циркуляр «МВД Управления по делам о воинской повинности. По 2 Делопроизводству» № 23 // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 11–12.
22. Циркуляр губернаторам от (министерства внутренних дел) управления по делам о воинской повинности по 4 делопроизводству за № 12 от 29 марта 1906 года // ГАКО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 22–22 об.
23. Яременко В. А. Социальная защищенность военных чинов: от Ивана III до Николая II // Военно-исторический журнал. — 2005. — № 6. — С. 54–59.

References

1. Statement of reference prices for vital supplies in the city of Kaluga for December 1905. *Gosudarstvennyy arkhiv Kaluzhskoy oblasti (GAKO). F. 32. Op. 2. D. 1226. L. 274.* [State Archives of Kaluga Oblast (SAKO). F. 32. Op. 2. D. 1226. L. 274]. (In Russian).
2. Kovalev A. V. Local history perspective on the history of the Russo-Japanese War of 1904–1905 and its role in patriotic education of students. *Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu Gosudarstvennogo arkhiva Kaluzhskoy oblasti. Sost. L. A. Batsanova, T. V. Yegorova, O. M. Petrova, L. I. Sapozhnikova, I. B. Sundeyeva.* [Proceedings of the scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the State Archives of Kaluga Oblast. Compiled by L. A. Batsanova, T. V. Yegorova, O. M. Petrova, L. I. Sapozhnikova, I. B. Sundeyeva]. Kaluga, Noosfera, 2010, pp. 295–310. (In Russian).
3. Kovalev A. V. Port Arthur Committee and Kaluga Governorate (1905–1906). *Voprosy arkheologii, istorii i kultury Verkhnego Poochya: materialy XIV Vseros. nauch. konf.* [Issues of archaeology, history, and culture of the Upper Oka Region: proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference]. Kaluga, Polygraph-Inform, 2012, pp. 188–192. (In Russian).
4. Appeal of the Kaluga Treasury Chamber to the Kaluga Governorate Office for Military Service. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 30 ob. 31.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 30 ob.–31 rev.]. (In Russian).
5. Reference of Tsesarevich Alexei Main Committee concerning welfare of children of persons who died in the war with Japan, No. 9993. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 34–34 ob.* [GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 34–34 rev.]. (In Russian).
6. Reference of Kaluga Governorate military service Office No. 1860 of September 17, 1905. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 15–15 ob.* [GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 15–15 rev.]. (In Russian).
7. Reference of Ministry of Finance of Kaluga State Treasury Chamber, Department 1, Desk 2, No. 13722, to Kaluga Governorate Office for Military Service. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 18, 18 ob., 36.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 18, 18 ob., 36]. (In Russian).
8. Reference of Ministry of Finance of Kaluga State Treasury Chamber, Department 1, Desk 2, No. 28322, to Kaluga Governorate Office for Military Service. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 30.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 30]. (In Russian).
9. Minutes of the meeting of Kaluzhsky Uyezd military service office. March 15, 1906. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 25–29.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 25–29]. (In Russian).
10. Minutes of the meeting of Kaluzhsky Uyezd military service office. July 13, 1906. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 56–57.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 56–57]. (In Russian).
11. Minutes of the meeting of Kaluzhsky Uyezd military service office. December 15, 1906. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 80–82.* [GAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 80–82]. (In Russian).
12. Minutes of decisions concerning petitions for the appointment of benefits from the treasury under Article 36 of the military service regulations. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 13.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 4. L. 13]. (In Russian).

13. Information required for permission from the Kaluga Governorate Committee to find positions for military personnel who were injured in the war with Japan. *GAKO. F. 1283. Op. 1. D. 2. L. 4–4 ob.* [SAKO. F. 1283. Op. 1. D. 2. L. 4–4 rev.]. (In Russian).
14. Information about a candidate. *GAKO. F. 1283. Op. 1. D. 50. L. 1–1 ob.* [SAKO. F. 1283. Op. 1. D. 50. L. 1–1 rev.]. (In Russian).
15. Information about a candidate. *GAKO. F. 1283. Op. 1. D. 2. L. 1.* [SGAKO. F. 1283. Op. 1. D. 2. L. 1]. (In Russian).
16. Collection of laws and orders of the government, published by the Governing Senate. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 1. 4 ob. 5 ob.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 1, 4 rev. — 5 rev.]. (In Russian).
17. Circular of the Department of the State Treasury to the Treasury Chambers, No. 45. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 20–20 ob.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 20–20 rev.]. (In Russian).
18. Circular of the Ministry of Internal Affairs of Kaluga Governor to the Governorate Committee for welfare of children of persons who died in the war with Japan, June 7, 1907, No. 626. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 27.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 27]. (In Russian).
19. Circular of the Ministry of Internal Affairs of Kaluga Governor to the Governorate Committee for military service, No. 2445, November 27, 1907. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 32–32 ob.* [GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 32–32 rev.]. (In Russian).
20. Circular of the Ministry of Internal Affairs, Department for military service. To Office 1, No. 12. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 25–25 ob.* [GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 25–25 rev.]. (In Russian).
21. Circular of the Ministry of Internal Affairs, Department for military service. To Office 2, No. 23. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 11–12.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 11–12]. (In Russian).
22. Circular to the governors from the (Ministry of Internal Affairs) Department for Military Service to Office 4, No. 12, March 29, 1906. *GAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 22–22 ob.* [SAKO. F. 403. Op. 1. D. 2. L. 22–22 rev.]. (In Russian).
23. Yaremenko V. A. Social security of military persons: from Ivan III to Nicholas II. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. [Military History Journal]. 2005, iss. 6, pp. 54–59. (In Russian).

Информация об авторе

Тарасов Марк Олегович — аспирант кафедры истории Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского.

Сфера научных интересов: внутренняя политика Российской империи второй половины XIX — начала XX века, социальная история России, история благотворительности.

Information about the author

Tarasov Mark Olegovich — Postgraduate student of the Department of History at K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University.

Research interests: internal policy of the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th cc., social history of Russia, history of charity.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; принята к публикации 30.12.2024.

The article was submitted 27.06.2024; accepted for publication 30.12.2024.